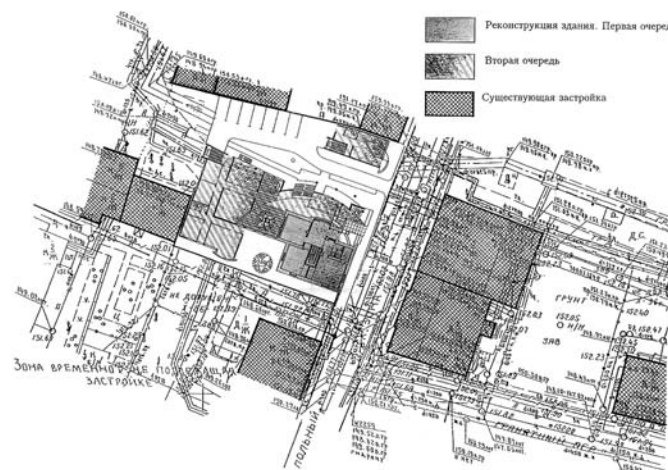
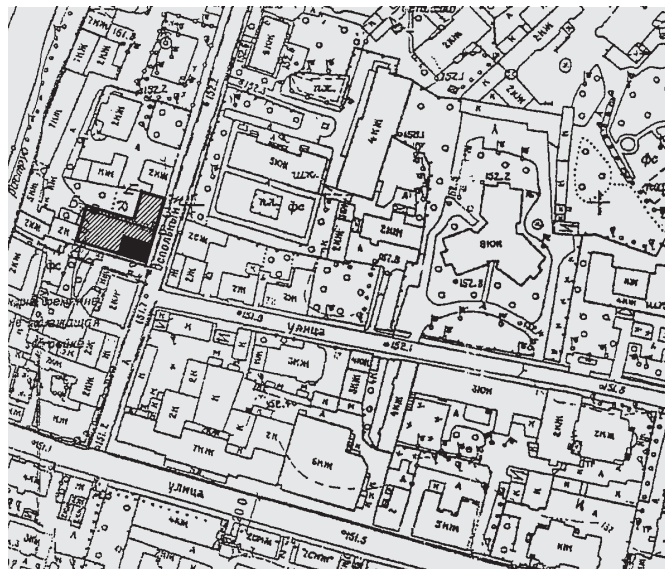

Константин Маркус

Идея и место – антиподы?

Из категории «вечных» проблем

Реконструкция административного здания по Вспольному пер. ПТАМ Б.А.Шабунина. 1998 г.

Архит. К.Маркус.

Состояние до реконструкции.

Историко-архитектурный план.

Генплан.

Reconstruction of administrative building on Vspolny lane. PTAM of B.A.Shabunin. 1998.

Architect K.Markus.

State before reconstruction.

Historical-architectural layout.

Master plan.

Архитектура есть функция места и времени. Место уникально, время (т.е. эпоха) исторично. Деятельность архитектора – не более, чем такт профессионального поведения в конкретном месте и в конкретное время. Манера и стиль поведения усложняются, если «место» обладает историей культуры своего существования, не просто историей своего бытия, а историей культуры отношений с окружением, историей диалога с ним, т.е. историей контекстуальных отношений. При этом под контекстом подразумевается не простой набор формальных признаков окружения (что, к сожалению, характерно для современной практики архитектурного историзма), а историческая «повесть» существования этого «места», т.е. пространственно-временной и культурный континуум, что есть движение пространственных изменений и накоплений в потоке культурных направлений и тенденций.

Последовательность архитектурно-исторических событий «места», в той или иной степени материально зафиксированных, – одна из глав этой повести – в наибольшей степени проявлена на исторически сложившихся территориях, в основном в центре старого города, в толще его истории. Всем известные пространственные, реже функциональные и тем более архитектурно-стилистические ограничения, диктуемые историческим «местом», на самом деле не есть «прокрустово ложе» для неизбыточной «гениальности творца». Они всего лишь есть суть попыток самого общего свойства корректного вписывания нового архитектурного текста в уже существующую летопись данного места. Кстати, вспомним Ф.-Л.Райта с его тезисом об ограничениях, приводящих к наиболее интересному решению (правда, в рамках определенной профессиональной парадигмы).

Архитектор, как ни странно это может показаться на первый взгляд, является скорее разрушителем, чем созидателем (как бы нас не тешила соблазнительная мысль о созидательной избранности профессии и нас в ней как demiurгов). Архитектор по природе своей профессии уже потому разрушитель, что он своей инновацией нарушает, разрушает или уничтожает сложившиеся, устоявшиеся контекстуальные связи. Речь здесь идет не только о пространственных или функциональных связях, но также и о социокультурных и, в частности, бытовых. Даже строительство на свободной территории в старом квартале есть его, квартала, локальное уничтожение (конечно, не физическое). Инновация – это «очаг возмущения» в сложившейся среде, который может и не погаснуть, если новое игнорирует летописный жанр повествования, если новое безразлично к «месту», несмотря на псевдоисторическую одежду фасадов, если новое не «вырастает» из этого места. Поэтому важно, чтобы не произошел процесс отторжения, отчуждения нового в старом, перманентно напоминающий о беспечной некорректности автора.

Таким образом, вопрос не о том, чтобы не нарушить – нарушить придется – но нарушить с минимальными потерями, т.е. это вопрос степени, меры разрушений с последующим восстановлением, по возможности, возрождением связей в контексте летописи «места» и установлении новых связей в рамках этого же контекста. В извечном споре о первичности – что первично (а, стало быть, и определяющее): среда, место или авторская концепция, творческая идея, замысел, материальный результат в конце концов – на самом деле нет проблемы. Есть проблема в культуре поведения, профессионального поведения в среде уже сложившейся и каждый раз

складывающейся. Схоластика спора о приоритетах окружения или творческого гения (а как правило, амбиций) скрывает существенное – такт поведения архитектора. Чтобы быть или скорее стать, в конечном счете, архитектором-созидателем, необходимо уметь или научиться входить в сложившийся контекст отношений вежливо и учтиво, не расталкивая соседей, не вопя о своей неимоверной исключительности, но и не забывая себя. Так войти, чтобы «старожилы» были рады твоему приходу. Все как в жизни. Поэтому – то и нет, на мой взгляд, принципиальной разницы между профессиональной деятельностью и человеческим поведением. У французских коллег, правда, в среде тех, кто занимается охраной наследия, а не в среде практикующих архитекторов, существует выражение – «il faut chercher des ancrages dans le passé». Смысл этого выражения, которого нельзя дословно перевести на русский, сводится примерно к следующему: необходимо искать в прошлом то, за что можно зацепиться, что может стать опорой, отправной точкой. К сожалению, официальная французская архитектурная практика, одержимая неоконструктивистскими мотивами и овеваемая ветрами текстуального изоляционизма, не ориентирована на осмысление этой позиции.

Между тем, на мой взгляд, именно поиск этих опорных точек – материально существовавших или существующих элементов исторической среды, пространственных характеристик «места», определявших когда-то его своеобразие и потенциальных ныне, того, что делало «место» уникальным – есть одно из средств коммуникации с прошлым, диалога с окружением, также пришедшего из прошлого и ставшим нашим настоящим; это мостки из прошлого в настоящее. И не имеет существенного значения физические размеры и значимость нового сооружения. Это может быть и колоссальный комплекс, и маленькая пристройка. Размеры не важны, важен принцип и авторское отношение к «месту».

Здесь реализуется еще одна мировоззренческая позиция человеческого поведения и самоопределения: не важно само явление или событие, а важно собственное отношение к нему. В этом смысле важно, например, не сами явления моды, формальной имитации или вторичности в архитектуре (чем наполнена наша современная практика), а личное отношение к ним в контексте данного места. Прежде чем ориентироваться на какой-либо западный образец или вынимать без разбора из «корзины» архитектора интерпретированные фрагменты и детали прошлых эпох, навешивая их на железобетонные коробки новых зданий, необходимо, на мой взгляд, понять, уместна ли эта вторичность для данного «места», если вторичность вообще уместна.

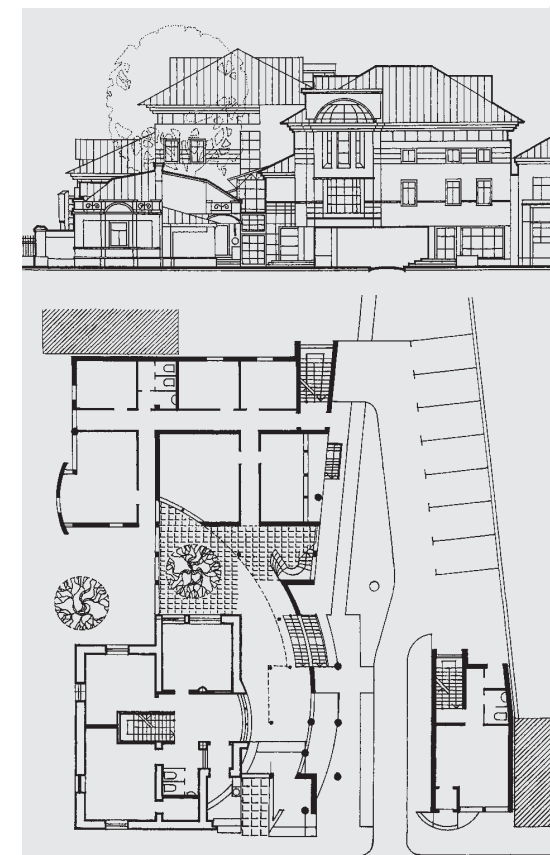
Вряд ли кто-нибудь будет возражать, что существует дистанция между общими понятиями профессионального кредо и реалиями, пытающимися их проиллюстрировать, поскольку понятия и реалии несопоставимы. Именно поэтому конкретный проект не может претендовать на абсолютную реализацию авторских позиций и именно поэтому вербально высказанный манифест или система взглядов должны рассматриваться и оцениваться самостоятельно, вне зависимости от этих реалий.

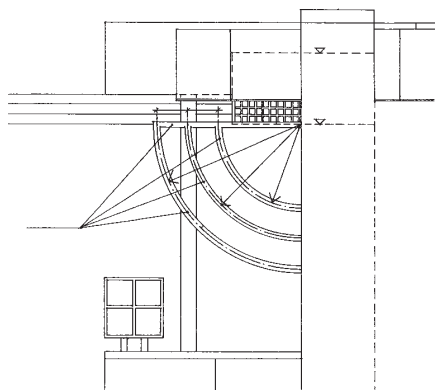
Тем не менее мне хотелось бы обратиться к некоторым моим проектам, в том числе градостроительным, как к примерам, в которых была сделана попытка реализации моих представлений.

Начать можно с небольшого объекта, недавно построенного по моему проекту на Вспольном переулке напротив всем известной архитектурной студии «Старт».

Концепция развития домовладения (1-я и 2-я очереди).

Concept of development of estate lot (1st and 2nd stages).

Фрагмент. Козырек.
Fragment. Canopy.

Состояние после реконструкции. Вид со Вспольного пер. Вид со двора.
Design after reconstruction. View from Vspolny lane. View from backyard.

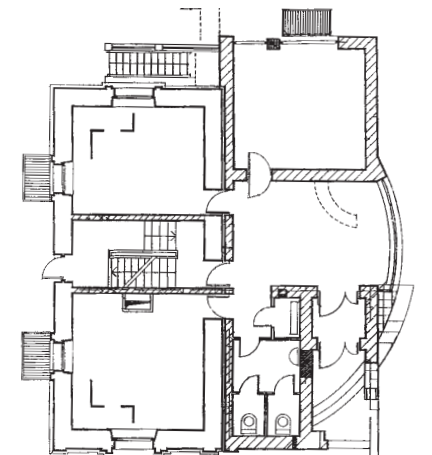
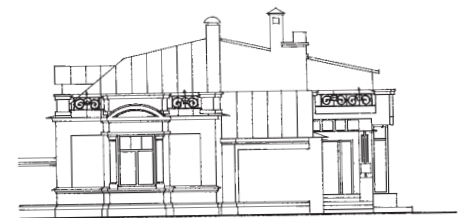
Не думаю, что кто-нибудь помнит (кроме тех, разумеется, кто занимался этой территорией), что этот маленький домик с неоклассическим декором рубежа веков, бывшая сторожка при несохранившейся усадьбе всегда состоял из двух частей. На самом деле было две сторожки при двух усадьбах - при владениях 5 и 7. Общей у них была кирпичная стена, она же ограда, позднее превращенная в брандмауэр, которая разделяла эти владения и которая была возведена еще в XVIII в. Казалось бы, какое это имеет значение для такого крошечного объекта на фоне грандиозного московского строительства? Но именно эта стена и двухчастность строения явились теми историческими реперами (вспомним пассажи о «les ancrages dans le passe»), которые послужили смысловыми ориентирами при формировании пространственной композиции нового сооружения. Более того, эта некогда устойчивая, а ныне несуществующая граница между усадьбами в архитектурной концепции преобразования участка в целом приобрела структурообразующее значение для всего комплекса (второй очереди строительства). По-разному материально выраженная эта эфемерная граница стала носителем семантического смысла «памяти места», говорящей о том, что этот участок когда-то был разделен надвое и принадлежал разным владениям.

Здесь реализовалась важная, на мой взгляд, позиция: не превращать выявленный элемент прошлого в некий музейный фрагмент, взятый в рамку, в историческую аллюзию, в некое украшение, не уподоблять его изящной старой броши на модном платье (хотя само по себе это может быть красиво), но определить этот элемент как структурную составляющую новой композиции. Думаю, это необходимо для того, чтобы сохранившиеся элементы играли ту же конструктивно-образную,

знаковую роль, что и новые, чтобы они «работали» на равных, а не только как декор, своей плоской аппликацией напоминая о выполнении авторского долга по отношению к историческому контексту (конечно, это не относится к случаям, когда от старого здания сохранился, например, лишь фрагмент окна, кладки стены или антаблемента). Такое смысловое использование фрагментов прошлого, как мне представляется, способно продолжить историческую летопись «места». Некогда существовавшие две разнотипные и разнохарактерные сторожки, позднее объединенные в один объем, послужили основанием для создания не только двухчастной пространственной композиции реконструируемого здания, но и для проектирования новой части в более современных формах, хотя и адаптированных к окружению, однако не имитирующих стилистический и формальный строй существующей (кстати, рекомендованной к постановке на госохрану как памятник архитектуры). Объединяющим мотивом стали соразмерность частей целому и окружению, цитирование некоторых деталей сохранившейся части (например, декоративных решеток, фланкирующих аттик главного фасада) или применение опоясывающих всю постройку тяг, упрощенные профили которых напоминают неоклассические оригиналы той же самой старой части здания. Выявление и артикуляция исторических сюжетов целесообразны, на мой взгляд, для того, чтобы сохранить в уже измененном месте память о том, что здесь когда-то было, ибо коренные реконструктивные трансформации лишают «место» своей памяти. Именно с этих позиций я рассматриваю необходимость и полезность историко-архитектурных исследований. Благодаря им можно понять характер и логику развития территории (например, морфологическую стабильность застройки с незначительными изменениями в течение длительного времени или частую ее изменчивость, богатую урбанистическими событиями, что может предопределять направленность градостроительного мышления архитектора), можно увидеть процесс морфологического либо развития и становления, либо кардинального изменения и перехода в другой морфотип. Благодаря этим исследованиям можно, в конечном счете, попытаться прочесть летопись «места», а также они помогут выявить или подтолкнуть к выявлению исторических реперов, «зацепок», что, по моему мнению, чрезвычайно важно при проектировании в историческом центре города.

Развертка по Вспольному пер.
Development on Vspolny lane.

Проект реконструкции 1-й очереди. План 1 этажа. Фасад.
Reconstruction design of 1st stage. Ground floor layout. Facade.

Проект реконструкции жилого дома по ул. Ломоносова в Рыбинске. 1991 г.
Архит. К. Маркус, С. Регамэ.
Reconstruction design of apartment house on Lomonosov street in Rybinsk. 1991.
Architects K. Markus, S. Regame.

Другим примером контекстуального проектирования может служить выполнен- ный в начале 1990-х гг. проект реконструкции среднего двухэтажного деревянно- го дома конца XIX в., находящегося в охранной зоне исторического центра Рыбин- ска. Оставляя главный уличный фасад с достаточно простой опушкой окон нетро- нутым, мы попытались (соавтор С.Регамэ) идти по пути частичных преобразова- ний, которые касались в основном дворового и боковых фасадов. Выбранный ме- тод реконструктивного вмешательства стал методом локальной достройки.

Этот метод был предпочтителен потому, что с его помощью мы стремились решить задачу минимального вмешательства в давно сложившуюся консервативную жилую среду с устойчивым укладом жизни и налаженными бытовыми связями. Суть архи- тектурных преобразований сводилась к тому, чтобы использовать те немногие ло- кальные пространственные возможности этого достаточно тривиального объема, ко- торые в нем были заложены, т.е. использовать тот потенциал, тот пространственный ресурс, которым обладало это здание и который не был в нем реализован.

Так, например, предлагались: световой эркер, объединяющий существующие раздельные лестничные клетки; завершение также существующей пристройки ша- тровой башней, типичной для центра города и самобытной по архитектурной форме, в которой реализовалась, на наш взгляд, современная интерпретация тра- диционных начал; небольшое поднятие конька части кровли для создания дву- светного пространства; а также выдвигание части стены дворового фасада. Бла- годаря этим незначительным трансформациям и достройкам был сохранен ос- новной объем деревянного здания и преобразованы выходящие во двор фасады. На основании реконструкции этого среднего деревянного дома можно видеть, что уже отправные точки, реперы, «зацепки» ищутся не в истории развития зда- ния и участка (поскольку они не претерпели никаких изменений со времени своего возникновения), а в окружении и в пространственных особенностях са- мого объема, в его характеристиках.

В результате получился дом, выходящий за рамки ординарности, но при этом, как нам кажется, тактично встраивающийся в окружение и способный продол- жить контекстуальную летопись данного места.

И последний пример, в котором уже на градостроительном уровне мы (соавтор также С.Регамэ) стремились решить задачу сохранения своеобразия кварталов при их активной реновации.

Вологда. Самый центр города. Два квартала, в которых почти каждый дом либо исторически ценный, либо памятник архитектуры, где к тому же наряду с горо- дской администрацией располагаются деловые учреждения, магазины, Дом офи- церов и т.д. Но наиболее удивительное и нечасто встречающееся в русских го- родах то, что посередине этих двух кварталов протекает речка. Неширокая, но с крутыми, живописными, берегами, со склоненными к воде деревьями. Ин- терьерная речка, взятая в рамках периметральной застройки. Природный оазис в городском ландшафте. Уникальное место, уникальная ситуация. Она тем бо- лее уникальна, если учесть, что это - административный центр исторического города, находящийся в охранной зоне, с одной стороны, и стремящийся к раз- витию - с другой, и если учесть, что ныне, к сожалению, во многих местах этот оазис захвачен и уничтожен хозяйственными постройками, складами и гаража- ми, что превратило его в задворки присутственных мест и магазинов.

При необходимости роста городских учреждений приоритетным для нас являлось сохранение своеобразия и уникальности этого места, восстановление и реабилита- ция его ландшафтных характеристик. Поэтому в рамках активных преобразований кварталов мы придерживались принципов контекстуального проектирования. Сложившийся морфотип периметральной застройки «сплошной фасадой» по- лучил свое развитие вглубь кварталов не только для того, чтобы освоить новые строительные объемы, но и, в частности, для того, чтобы реорганизовать хозяй- ственно-складские территории, преобразовав и превратив их в городские рекре- ации. Не любая территория способна принять и адаптировать общегородские функции, к числу которых относятся функции этого места. В данном случае эти внутриквартальные пространства уже давно подготовлены к тому, чтобы поме- нять свой статус дворовых территорий с хозяйственно-складскими функциями и стать престижной составляющей общегородского центра. Безусловно, подоб- ные инновации приводят к изменению сложившихся процессуальных связей.

Но именно эти последние и чужды, и разрушительны для данного места. Умышленно уходя от жестких планировочных схем, мы стремились выявить пре- имущества интерьерной живописности ландшафта, подчеркнутой новой застрой-

кой, близкой по характеру к существующей, сомасштабной окружению и исполь- зующей те же морфологические приемы построения, но не имитирующие ее.

Рассуждения, которые формировались в течение моей жизни в профессии и в какой-то степени закреплялись в проектах, три из коих здесь представлены, сводятся лишь к одному: к осознанию собственных профессиональных позиций. Кто мы есть по отношению к тому «месту», каждый раз особому и уникальному, для которого мы проектируем и строим? Или мы проектируем и строим для себя, реализуя свое собственное «Я», свои собственные амбиции, или, в худшем слу- чае, для заказчика, реализуя уже его, как правило, обывательское представление о прекрасном, а скорее - о необходимом? И в этом случае «место» - всего лишь некая данность, некий полигон, на котором можно опробовать что-то свое или просто воплотить мечту. Или мы все-таки проектируем и строим «здесь и сей- час», т.е. в данном месте и в данном историческом и культурном контексте. Мо- жет быть, архитектура есть все же функция места и времени, а не только функция навязчивых идей, неважно чьих (собственных, заказчика, функционеров горо- дской администрации разных уровней или прототипов модных журналов)? Чем больше я задумываюсь над этим, тем больше у меня вопросов, чем отве- тов. И вот один из них.

Недавно я был в Праге. Там, на набережной всегда удивляющий и эпатажирующий Ф.Гери три года назад закончил строительство «Танцующего дома», иначе назы- ваемого «Джинджер и Фред». Не выходя за рамки габаритов окружающей заст- ройки, вполне тривиально соответствуя обычному градостроительному требо- ванию в существующих красных линиях фиксировать угол квартала, формирую- щего площадь, а также его акцентируя, Гери реализовал свою очередную голо- вокружительную идею, отличную на этот раз от балансирующих на грани разва- ла форм, скажем, Американского культурного центра в Париже (который те- перь уже перестал быть американским). В окружении пышно разодетых, сред- неевропейского уровня, зданий конца XIX в. архитектор реализует яркую, почти литературную идею: элегантная, танцующая, на мгновение замершая пара, Джинджер и Фред. «Он» - статен и крепок, «Она» в прозрачных развевающихся одеяниях, изысканно выгнувшись, прильнула к своему партнеру. Нечасто встре- чающийся случай воплощения киношного образа в архитектуре.

Незабываемый, очень сильный образ, притом, что начинка этой «вальсирую- щей пары» - банальные офисы с обычным вестибюлем и лифтами. Что касается композиции фасадов, их прорисовки, собственно формального их решения, то, на мой взгляд, они значительно отстают от нетривиальности самой идеи. И тем не менее, именно это здание привлекает внимание (конечно же благодаря свое- му необычному образу).

Яркая, красивая, нестандартная идея, с одной стороны, и фактическое игнори- рование окружения, эволюции развития места - с другой. Образ в себе и для се- бя, потому что подобное здание могло бы быть реализовано почти в любом другом месте, оно имплантировано без вероятной надежды на приживание. Начата новая страница истории места без памяти о старых. Независимость от окружения тому подтверждение. Фактически эта инновация уничтожила исто- рическую летопись того участка, на котором стоит, являя нечто современное и бесспорно интересное, но лишенное корней. И к тому же оно переместило вектор внимания в данном месте, на данной площади на себя. Именно это зда- ние теперь фактическая доминанта на площади. И здесь возникает, казалось бы, парадоксальная мысль: окружение, пусть и достаточно типичное для конца XIX в., но не лишенное своеобразия и изыска, позволяет этому зданию быть тем, чем оно есть сейчас. Но есть ли это повод для игнорирования окружения?

Основная дилемма, как мне представляется, состоит в следующем: самобытная, искрометная авторская идея, в которой, однако, вряд ли уделялось особое вни- мание истории контекста, идея, безотносительная к месту, не из него и не для него выросшая, но красивая и привлекательная, или уважение к месту, к своим «партнерам», к тому контексту отношений, в который новое здание входит. Речь, конечно же, не идет о банальной посредственности или даже о произве- дениях добротных, но о таковых, которые отмечены своеобразной, неординар- ной идеей, и такая сегрегация в постановке вопроса делается лишь для того, чтобы выявить и обострить проблему.

Неужели красивая идея и место - антиподы, неужели они несовместимы или их такими делают те архитекторы, которые более ценят себя в архитектуре, чем ар- хитектуру в конкретном месте?

Концепция реконструкции кварталов №№49 и 50 в Вологде. 1997 г.
Архит. К. Маркус, С. Регамэ.
Reconstruction concept of blocks №№49 and 50 in Vologda. 1997.
Architects K. Markus, S. Regame.

